
Мария БУШУЕВА

ПО ГОРНОЙ ТРОПЕ

Рассказ

Снилось ей, что красный гроб ее отца несут несколько человек по горной ночной тропе, уходящей ввысь, сопровождают их всадники с горящими факелами и один из них, на белой лошади, кажется главным. Именно он, когда процессия достигает высокогорного плато и останавливается у серого надгробия в виде большого камня с похожей на орнамент надписью на чужом языке, обращаясь ко всем поднявшимся, произносит торжественно и скорбно: «Скончавшийся — последний из того рода, что покоится здесь, под этим могильным камнем».

И Дарья во сне понимает: на отце иссякла какая-то неизвестная древняя родовая ветвь. И сообщено об этом почему-то именно ей.

Не с кем было оставить дочурку, а тяжелые впечатления раннего детства, знала по себе, оседают в душе, принимая любые очертания, сгустками черной пыли потом пугающе отражаясь в увеличивающем их зеркале сознания, или ржавчиной въедаются в сердце навсегда, — такого начала жизни своему ребенку совсем не хотелось — и на похороны отца в далекий мегаполис Дарья приехать не смогла. Да и денег для двойного перелета тоже не хватало: недавно разбежались с мужем, развод еще не оформили, что давало отпавшей мужской половине право, по телефону жалуясь на свои постоянные обвалы с трудоустройством, им с дочкой совсем не помогать. Тянула, как могла, зарабатывала фрилансерством в Интернете.

Отец был русским — и странный сон, приснившийся в ночь после его похорон, хотя и не забылся, особо не вспоминался, никому о приснившемся она не сказала: практичным приятельницам, использовавшим Дарью для продвижения своих услуг в Сети, чужие сны были скучны, а со своей родней близкой связи не было: все родственники по линии отца, несколько холодноватые, давно отпали от общего древа, племянники не знали даже имен прадедов, равнодушные к генеалогии; каждая отдельная ячейка жила своей жизнью, защищенной кодовым шифром, как в банке, очертив границы собственной территории и не позволяя ее переступить даже двоюродным или троюродным братьям-сестрам. Чуть ближе была родная сестра отца, которую Дарья раз в год навещала. Почти нестареющая Ирина, в молодости по своему желанию попавшая в стюардессы, оттого рано ставшая свободной от трудового долга, жила в огромном до-

Мария Бушуева — прозаик, критик, автор нескольких книг прозы, в том числе романов «Отчий сад», «Лев, глотающий солнце», «Рудник», «Демон и Димон» («Проекции»), а также множества публикаций в периодике и в сетевых журналах («Москва», «Нева», «Знамя», «Зинзивер», «Дружба народов», «Наш современник», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Сибирские огни», «Гостиная» (США), «Алеф» (Израиль), «Литературная Америка», «Новый континент» (США), «Литературная газета», «НГ-Exlibris», «Сетевая словесность», «Плавающий мост», «Литтатура» и др.). Стихи переводились на французский язык. Автор монографии «„Женитьба“ Гоголя и абсурд».

ме сына, в престижном пригороде, присматривая за двумя внуками, точнее, за их нянями, а когда внуки подросли, просто отдыхая: ее сын Антон в конце 90-х сориентировался, стал сначала кандидатом технических наук, затем бизнесменом, преуспел, женился на своей программистке, построил дом, скупил несколько квартир... Как-то сама Ирина призналась в разговоре с Дарьей, к которой относилась с осенним теплом, что Антону и его супруге просто «некуда уже деньги девать». К благотворительности семья была не склонна. Антон за двадцать пять лет превратился в прижимистого бизнесмена, щедрого только для своей пятилетней дочки и для жены, покупавшего им все, на что они покажут в любом, самом дорогом магазине, и выдававшего своей бывшей программистке, давно бросившей работу, те суммы, какие она попросит. На ее ежедневные карманные деньги ты бы, Даша, могла жить год, сказала Ирина, не любившая невестку, впрочем, это дело в семьях обычное. Не одобрила Ирина даже рождение «позднего ребенка», несмотря на то, что девочку назвали Ариной с намеком на имя бабушки, и сразу отстранилась от внучки, сославшись на свое слабеющее здоровье. Девочкой занималась приходящая няня, готовила кухарка из Молдавии, убирала еще одна — живущая неподалеку вдова поселкового сторожа, бывшего инженера, отправленного в 90-е на свалку вместе с затоптанной социалистической идеей. Ирина, незаметно сбросив психологическое облачение советской молодости, легко приняла барский стиль жизни, с удовольствием, хотя и мягко, указывая прислуге. Жена Антона обычно днем отсутствовала, посещая всевозможные курсы с уклоном в омоложение, и, пытаясь изображать «творческую личность», пропадала в студии живописи, руководитель которой, матерый член Союза художников, стриг доллары с претенциозных жен и дочек, ненавязчиво поправляя их работы, чтобы они понравились мужьям и отцам-толстосумам. Каждая его ученица обязательно рассказывала супругу, что художник в нее страстно влюблен: тонко подыгрывая богатым скучающим особам, он добавлял себе за свои мифические чувства увесистый прибавочный процент.

Антон с гордостью повесил в холле своего офиса две бежевые акварели жены, а третью (которую особо удачно дописал руководитель студии) продал какому-то сибирскому предпринимателю, мучительно пытавшемуся дотянуться до олигархического стиля жизни. Нефтяная или алюминиевая сумма окупала расходы за обучение и омоложение супруги и даже вставной немецкий зуб самого Антона.

Ирине все в невестке казалось несоответствующим достоинствам сына, но осторожная мать не разрушала его семейного счастья, опасаясь, что крах семьи может повлечь крах всего остального, и главное, бизнеса: комфортом и покоем она дорожила, и ей льстило, что Антон не погиб в смутные годы, как сын одной подруги, еле таскающей ноги от болезней и нищеты, не спился, как сын подруги другой (уже покойной) и не вкалывает за гроши на хозяина, как бесправный крепостной. Ее мальчик оказался на поле жизни королем, а значит, и она не просто моложавая старуха, а вдовствующая королева! Тревогу вызывало только увлечение Антона альпинизмом: с первого курса института, увлекшись опасным видом спорта, каждый год он месяц отпуска проводил в горах. Даже радостное событие, рождение Ариши, его не остановило, наоборот, подтолкнуло: девочке едва исполнилось три месяца, он пошел на новый штурм вершины, не покоренной им однажды в молодости.

— Поднялся, мама, — сказал, вернувшись, — значит, и ребенка подниму. — Игра глаголов приоткрывала символическую изнанку его жизни, абсолютно не замечаемую ни им самим, ни Ириной.

— Я его понимаю, — говорила она Даше, — сама ощущала в юности какой-то необъяснимый прилив сил, когда самолет, набрав высоту, летел над облаками, но ведь что с Антоном случись, его компанию и предприятие захватят его же люди, он четверть уступил главному инженеру, все отнимут, кинут жене подачку и намекают, что если

что еще потребует, то могут и жизнь отнять, сейчас ведь добрых людей не осталось, а криминал прикидывается законопослушным и все отнимает грамотно через продажные суды... И что тогда? Жена уже разбалована... А мне останется только... сама понимаешь что. — Ирина обходила тему смерти, пугаясь ее тени, прячущейся за словами; прошлое — даже уход в мир иной стариков родителей и мужа — после некоторого времени печали превратилось в мертвую информацию: утратив новостную остроту, больше не задевало чувств.

Сыновья Антона разбалованы не были и, учась в университете, вынужденно подрабатывали. Оставшийся школьником без отца и рано начавший зарабатывать сам, Антон полагал такое воспитание правильным. Старший Петька, чуть более душевный, чем вся семья, и уже раненный бросившей его девушкой, обменявшей взаимное чувство на личный выгодный контракт в Англии, репетиторствовал, а младший Вася, его погодок, утеплял панельные и блочные дома. Сейчас так грабят квартиры на высоких этажах, говорила Ирина, рассказывая о работе Васи, спустят веревку, прикинувшись рабочими, и проникнут через окно или через балконную дверь в квартиру. Не Васька, конечно. Он парень честный. Вон, смотри.

На фото племянник висел на панельной стене, от его пояса, взмыв, застыл в воздухе длинный хвост пенополистирола, точно белый след исчезнувшего самолета. В подростковом возрасте Вася увлекался прыжками с высоты, это называется... Роупджампингом, подсказала Дарья. Прыгали они с мостов или с крыш многоэтажных домов прямо над шоссе, ужасное увлечение, скажу я тебе, голос Ирины дрогнул, однажды он чуть не погиб, хорошо, вовремя проверил веревку, расшибся бы насмерть... От меня все скрывали, потом невестка рассказала. Ей хоть бы что, она и за Антона не переживает, когда тот уходит в горы, и за Петра, этот у нас скалолаз. Вот глянь снимок.

Петька, зацепившись рукой о выступ, прилип к отвесной скале. Под ним далеко внизу синело море.

— Выходит, вы все экстремалы, — сказала Дарья, — вы, тетя Ира, бывшая стюардесса, Антон альпинист, Петька скалолаз, а Вася... роупджампингист и...

— А мы монтажники-высотники, да, и с высоты вам шлем привет, — пропела Ирина. Дарья улыбнулась.

— ...Да и папа... Такой же, как вы все.

Отец был специалистом по приборам для аэрофотосъемки, сам испытывал их на самолетах и вертолетах, а незадолго до выхода на пенсию стал работать над съемкой со спутников. Фото бассейна незнакомой реки Лены висело у Даши в рамке среди фотографий прабабушек и прадедов: она не прятала старые портреты в альбомы, потому что любила всех ушедших благодаря размытым прошлым изображениям их душ и жизней, любила много сильнее, чем живых родственников, чьи изображения, слишком отчетливые, создавали постоянные помехи ее воображению.

— Все, да не все.

Имя невестки в заочных о ней разговорах Ирина никогда не произносила: ее не любовь к жене сына отвергала имя, превращая невестку в обезличенный семейный знак, обойти который было невозможно, но и одушевлять его даже слабого желания не возникало.

На похоронах брата Ирина, конечно, не присутствовала. А на девять дней, когда собралась немногочисленная отцовская родня и его старые друзья по работе, приехала. В этой темной городской квартире своей дочери от первого брака отец, выпив рюмку водки, умер. К Дарье сводная сестра Татьяна относилась с ревнивой неприязнью, хотя отец не бросал жен, а женился вторично, честно овдовев. И Дарья сейчас ловила мелкие узкие черные иголки ее взглядов, смахивая их движением ресниц и по-

еживаясь от неприятной дрожи, пробегающей по коже. Ни на долю в квартиру отца, ни на часть суммы от продажи его машины, гаража и дачного дома она не собиралась претендовать: отец, продав свою квартиру, успел помочь им с мужем, и небольшая панельная трешка, в которой Дарья жила, была куплена на его, а не на мужнины деньги.

Дети, почти ровесники, Татьянин Сережа, Аринка и Дашина Даша, это муж в порыве свежей любви, давно прокисшей, назвал дочь в честь молодой жены, быстро нашли общий язык и уединились в другой комнате, где были мягкие игрушки, электронные планшеты и всевозможные разноцветные «Lego» Сережи.

Взрослые расселись у длинного, не накрытого скатертью стола. От черного узкого платья Ирины отлетал запах валерианы. Чуть задержав взгляд на двух пожилых друзьях отца, Дарья ощутила физически неприятную отчетливость родни при электрическом свете на темном фоне комнаты и тут же, затуманив взгляд, сделала все лица более расплывчатыми, возможно, неосознанно желая поместить живых на стену со старыми фотографиями, чтобы из тумана проступили сходные черты и линии, тянущиеся из прошлого, способные стать заметными у живых, только если пригасить освещение сегодняшнего дня.

Что общего у нее и всех этих людей, называющихся родственниками?

С Антоном они в детстве почти не общались из-за удаленности городов проживания. А встретившись взрослыми, сразу поняли, что не симпатизируют друг другу. Зачем она вообще к нам заявила: такие слова читались на странице, прячущейся за равнодушной его полуулыбкой. Не денег ли просить? Через какое-то время Даша уловила, что резервуар любви был у Антона строго рассчитан на троих: мать, жену и дочь. Что-то при сотрясении выплескивалось оттуда и на сыновей. Больше никому не перепало даже капли. С другими людьми совершенно не соприкасалась символическая подкладка его жизни, возможно, существующая у всех, только залегающая очень глубоко и потому у большинства не задевающая своим краем поверхность, где правит дневной свет.

Она выслушала слова старых друзей отца о том, каким талантливым и хорошим человеком был покойный, и не просто хорошим, а почти героическим. Помощник отца, Дарья его помнила, он присутствовал на всех днях рождения шефа, как его неизменная тень, и всегда произносил одни и те же слова, привел три постоянных примера: Василий Дмитриевич болел, а нужно было производить срочную аэрофотосъемку, и он это сделал! Еще он честно выступил на собрании против заместителя директора института, не побоявшись увольнения! А однажды была авария вертолета, с которого они снимали бассейн реки Лены, вертолет рухнул, зацепился за деревья в тайге, погиб сотрудник, а Василий Дмитриевич раненого вертолетчика спас, неся на себе до избы лесника, куда вскоре прилетели спасатели.

Дарья, слушая, едва не плакала. Ведь отца она любила. В ранние годы он казался ей сильным, потом кокон детского восприятия распался, и внутри него обнаружился чувствительный интеллигент, втайне от всех сочинявший романтические стихи. Бывший подчиненный, вспоминая, воссоздал похожий на портреты героев-фронтовиков тот, почти монументальный, образ из детства, который раньше вызывал у нее лишь улыбку, а сейчас — слезы.

Антон рассеянно отпивал из бокала вино, опоздавший Петя с виноватой улыбкой сел с ним рядом, Антон повернулся к нему и что-то спросил. Наверное, о жене, которая не пришла, или Васе, тоже отсутствующем. Скалолаз Петька симпатизировал двоюродному деду, отцу Даши, а Вася бабушкиного родного брата не любил не за какие-то черты характера, он и не приглядывался к старику, а как элемент, разрушающий четкую картину родственного мира, надежно страхующего, как крепления при роуп-

джампинге. Вася унаследовал жесткий, может быть, лишь чуть большего объема, резервуар отца, предназначенный для любви, и всех, кроме матери, отца, бабушки Ирины и Петьки, считал чужими, их встроенность в четко очерченную и замкнутую на самой себе систему семьи грозила чем-то неопределенным и тревожным. Смерть двоюродного деда он воспринял равнодушно — как безличное сообщение в Интернете.

Только сейчас она заметила, что профиль Антона унаследовал через поколение горбинку их общего прадеда, голубоглазого, но черноволосого.

— А я живу ради детей, — внезапно произнес Антон, — для чего еще жить?

— Ваше поколение все такое, — с осуждением ответил второй друг отца, тоже Дарье знакомый, обычно не склонный к воспоминаниям, — дети, деньги и удовольствие. Никаких высших целей, одно потребление. И ваши дети — такие же. А вот Василий Дмитриевич...

— Высшие цели нам велики, — Антон усмехнулся. — Мы растем не ввысь, а в объеме. Такое время. Диктует свои правила движения. До дядюшки нам не дорасти. — Он глянул на Дашу. И в его взгляде промелькнуло что-то темное, похожее на зависть.

После поминок, закрутившихся вокруг длинного стола в темной квартире и рассеявшихся, едва Дарья оказалась дома, лишь оставивших осадок печали о неродственности родных по крови людей, ей приснился еще один сон, косвенно с отцом связанный: будто кто-то, она не видит человека, только слышит его голос, говорит, что именно она должна напомнить им, живым, об их общих умерших предках. Что ж, если это моя жизненная задача, думает Дарья во сне, я выполню ее, почему-то рядом с ней тут же оказывается Вася, они стоят на горной тропе, и она повторяет только что услышанные слова. «Мне наплевать и на вас, и на них!» — кричит он и прыгает с горного уступа, вытянутого над расщелиной. Стук осыпающихся камней разбудил ее: соседи сверху делают очередной ремонт....

Жизнь без отца шла и раньше: казалось, ближе он был со своей старшей дочерью, у которой последние годы жил, но Дарья всегда ощущала с ним незримую мысленную связь.

Пятилетняя Даша была в детсаду, оформление сайта завершено, должны вот-вот прислать за работу деньги. Такие паузы жизни между законченным трудом, неважно, большим или малым, и началом выполнения следующего заказа Дарья очень любила. Глоток свободы. Щель, через которую улыбался солнечный свет лета, моря и возможной новой любви. Она бродила по комнатам, соседи продолжали дрель и стучать, но ей шум не мешал: лишь чужое проникновение в ее мысли было всегда ей тягостно, когда отец начал болеть, даже нить связи с ним стала болезненной, резко натянулась и вызывала неприятные ощущения в солнечном сплетении. А сейчас никто не возникал внутри души, только мелькал там солнечный зайчик — Дашка. Силуэт бывшего мужа засох, рассыпался и, точно пыль, уже стерт влажным прощением, оставшимся после слез.

Стекло старой фотографии прабабушки отразило лицо Дарьи. Снимок был увеличен еще отцом, глаза прабабушки, оказавшиеся вровень с глазами Дарьи, из-за бликующего стекла казались живыми. Вдруг точно струя холодного воздуха прошла по комнате, нет, окна закрыты, двойная входная дверь не пропустит даже самый узкий сквозняк, откуда холод? Спустился с гор, произнес внутри Дарьи тот же незнакомый мужской голос. И все внезапно соединилось! Работа стюардессой Ирины, аэрофото-съемка отца, альпинизм Антона, скалолазание Петьки, роупджампинг Васи и сон о том, как несут красный гроб отца по крутой горной тропе. И стихотворение, которое сочинила Дарья лет в пятнадцать, сама удивившись его содержанию, точно надиктованному и записанному с помощью автоматического письма:

О коралловый город, освежи свое горло утренней тишиною.
Я пришедший в долину, я оставивший горы, чтоб услышать твой голос...
Откликнись!
Неужели в долину спустился я поздно, здесь засохли осины,
Их сожженные спины, как знаки вопроса, и высохли росы...

Мой отец был последним, которого всадник на белой лошади, посчитал своим. Тайна любви к высоте нашей родни идет оттуда — от серого надгробного камня с надписью на чужом языке. Поймут ли меня Антон, Ирина и племянники, если я расскажу им о своем открытии, сделанном без помощи теста ДНК? Не поймут. Опять загудела дрель. Соседи, отобедав, продолжили ремонт. А если все-таки позвонить Ирине?

— Господи, я только что хотела тебе звонить, — голос старой Ирины дребезжал, и падали в пустоту окончания слов, точно камни. — Васька погиб.

Белая лошадь, алые факелы, черная ночь.